

Ганс Христиан АНДЕРСЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СКАЗОК И ИСТОРИЙ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2012

УДК 839.5/8
ББК 82.3(3)
А65

Серия основана
в 2007 году

Перевод с датского *А. и П. Ганзен*

Андерсен Г. Х.

А65 Полное собрание сказок и историй в одном томе/Пер. с дат. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 1054 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-93556-995-2

Все сказки и истории, рассказанные самым знаменитым сказочником в мире — Гансом Христианом Андерсеном, и переведенные, без купюр, лучшими его переводчиками Анной и Петром Ганзен, с чудесными иллюстрациями датских и французских художников, собраны в одной книге, которая станет бесценным подарком для Больших и Маленьких детей!

УДК 839.5/8
ББК 82.3(3)

ISBN 978-5-93556-995-2

© Составление серии, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007
© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2007

ОГНИВО

Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку. Шел он домой с войны. По дороге встретилась ему старая ведьма, безобразная, противная: нижняя губа висела у нее до самой груди.

— Здорово, служивый! — буркнула она. — Ишь какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот бравый солдат! Ну сейчас я тебе отвалю денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо тебе, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — проговорила ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалеку. — Внутри оно пустое. Влезь наверх — увидишь дупло, спустишь в него до самого низу. Перед тем как ты спустишься, я тебя обяжу веревкой вокруг пояса, а когда ты мне крикнешь, я тебя вытащу.

— Но зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — ответила ведьма. — Надо тебе знать, что, когда ты доберешься до самого низа, ты увидишь большой подземный ход, в нем горит больше трехсот ламп, поэтому там совсем светло. Потом ты увидишь три двери: можешь их отворить, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату — посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нем собаку, глаза у нее величиной с чайную чашку. Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, а ты расстели его на полу, быстренько подойди и схвати собаку; посади ее на передник, открой сундук и бери из него денег сколько угодно. В этом сундуке лежат только медяки; захочешь серебра — ступай в другую комнату, там сидит собака с глазами как ме-

льничные колёса, но ты не пугайся, посади её на передник и бери деньги. А если тебе захочется золота, достанешь и его, сколько сможешь унести, стоит лишь пойти в третью комнату. У собаки, которая сидит там на деревянном сундуке, глаза с Круглую башню. Собака эта очень злая, можешь мне поверить! Но ты и её не бойся. Посади её на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что же ты с меня за это возьмешь, старая ведьма? Ведь даром ты для меня ничего не сделаешь.

— Ни гроша я с тебя не возьму, — ответила ведьма. — Только принеси мне старое огниво — там его позабыла моя бабушка, когда спускалась туда в прошлый раз.

— Ну обвязывай меня веревкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, забрался в дупло и, как и говорила ведьма, очутился в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами как чайные чашки и таращила их на солдата.

— Молодчина! — сказал солдат и, посадив собаку на ведьмин передник, набрал себе полный карман медных денег, потом закрыл сундук, водворил на него собаку и перешел в другую комнату. Правду сказала ведьма! Там сидела собака с глазами как мельничные колеса.

— Ну, нечего таращить на меня глаза, а то еще заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник.

Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил себе оба кармана и ранец серебром. Затем он перешел в третью комнату. Ну и страшилище! У собаки, которая там сидела, глаза были никак не меньше Круглой башни и вращались, будто колеса.

— Добрый вечер! — сказал солдат и взял под козырек.

Такой собаки он еще не видывал.

Впрочем, смотрел он на нее недолго, а взял да и посадил ее на передник, потом открыл сундук. Боже! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговки сластями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнутики на свете! Денег была уйма. Солдат выбросил серебряные деньги и так набил свои карманы, ранец, фу-

ражку и сапоги золотом, что едва мог двигаться. Ну наконец-то он был при деньгах! Собаку он опять посадил на сундук, потом хлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах, черт, чуть было не забыл! — ответил солдат, пошел и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твое дело! — ответила ведьма. — Получил деньги, и хватит с тебя! Ну отдавай мне огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сию минуту говори, на что оно тебе нужно, а не то вытащу саблю и голову тебе отрублю.

— Не скажу! — уперлась ведьма.

Ну, солдат взял да и отрубил ей голову. Ведьма повалилась на землю мертвая, а он завязал все деньги в ее передник, взвалил узел себе на спину, огниво сунул в карман и отправился прямо в город.

Город этот был богатый. Солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и заказал все свои любимые блюда — ведь он теперь стал богачом!

Слуга, который чистил обувь приезжих, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат еще не успел обзавестись новыми. Однако на другой день он купил себе и хорошие сапоги, и дорогую одежду.

Теперь солдат сделался настоящим барином, и ему рассказали обо всех достопримечательностях города, о короле и его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы ее увидеть? — спросил солдат.

— Это невозможно! — ответили ему. — Она живет в огромном медном замке, окруженном высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти в замок, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, что дочь его выйдет замуж за совсем простого солдата, а королям такое понравиться не может.

«Вот бы на нее поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много денег отдавал бедным. И это было очень хорошо с его стороны, ведь он по себе знал, как трудно сидеть без

гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрел множество друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Но так как он все только тратил деньги, а новых ему взять было неоткуда, то в конце концов осталось у него всего-навсего две монетки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; теперь никто из друзей его не навещал — уж очень высоко было к нему подниматься!

Однажды темным вечером солдат сидел в своей каморке, денег у него не было даже на свечку. И вдруг он вспомнил про крошечный огарочек, который он взял вместе с огнивом в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но как только ударил по кремню, высекая огонь, дверь распахнулась, и перед ним предстала собака с глазами как чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная штучка: теперь я смогу получить все, что захочу! Эй ты, добудь-ка мне денег! — приказал он собаке, и... раз — ее уж и след простыл; два — она опять была тут как тут, а в зубах держала большой кошель, набитый медными монетами! Тогда солдат понял, что за чудодейственное у него огниво. Ударишь по кремню раз — является собака, что сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два — является та, что сидела на серебре; ударишь три — прибегает та, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты и стал носить богатую одежду, а все его друзья немедленно узнали его и крепко полюбили вновь.

Вот раз ему и пришло в голову: «Как это глупо, что нельзя повидать принцессу! Такая красавица, говорят, а что толку? Весь век сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями! Неужели мне так и не удастся поглядеть на нее хоть одним глазком? Ну-ка, где мое огниво?» — и он ударил по кремню раз. В тот же миг перед ним предстала собака с глазами как чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат, — но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она вернулась с принцессой. Принцесса сидела на спине у собаки и спала.

Она была чудо как хороша — всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса; и солдат не утерпел и поцеловал ее — он ведь был бравый воин, настоящий солдат.

Потом собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она нынче видела удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал ее.

— Вот так история! — воскликнула королева.

На следующую ночь в спальню принцессы отрядили старуху-фрейлину с приказом разузнать, был ли то сон или явь. А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью снова явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть к солдату, но старуха-фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидев, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» — начертила большой крест на воротах и отправилась домой спать. Но собака на обратном пути заметила этот крест, сейчас же взяла кусок мела и понаставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла найти нужные ворота, раз на всех остальных тоже белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха-фрейлина и все офицеры пошли узнать, куда ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженек! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Крест и здесь, и здесь... — зашумели придворные, увидев кресты на других воротах. Тут все поняли, что не добиться им толку.

Но королева была женщина умная — она умела не только в каретах разъезжать. И вот взяла она большие золотые ножницы, разрешила кусок шелковой материи на несколько лоскутов и сшила крошечный хорошенький мешочек, в тот мешочек она насыпала мелкой гречневой крупы и привязала его на спину дочке, а потом прорезала в нем дырочку, чтобы крупа сыпалась на дорогу, по которой поедет принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу себе на спину и побежала к солдату, а солдат до того влюбился в принцессу, что начал жалеть, почему он не принц, — так хотелось ему жениться на ней.

Собака и не заметила, что по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она вскочила с принцессой, за нею сыпалась крупа. Уже рано утром король и королева узнали, куда ездила их дочь, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и тоскливо! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Невесело было услышать это. А огниво свое он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошел к маленькому окошку своей камеры и стал глядеть сквозь железную решетку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата, били барабаны, проходили полки. Все бежали бегом; бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и стукнула прямо в стену, у которой стоял солдат, глядя сквозь решетку.

— Эй, ты куда торопишься? — сказал солдат мальчику. — Без меня ведь дело не обойдется! А вот если ты сбегаешь туда, где я жил раньше, за моим огнивом, ты получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты и стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату, и... а вот сейчас узнаем, что было потом!

За городом была построена огромная виселица, а вокруг стояли солдаты и многие сотни тысяч людей. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть веревку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его невинное желание. А ему очень хотелось бы выкурить трубочку табаку — ведь это будет его последняя трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в такой просьбе, и солдат вытащил свое огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами как чайные чашки, собака с глазами как мельничные колеса, и собака с глазами как Круглая башня.

— Ну-ка помогите мне избавиться от петли! — приказал им солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги схватили, того за нос, да и подбросили ввысь. Все упали и разбились вдребезги!

— Не надо! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Служивый, будь нашим королем и женись на прекрасной принцессе!

И вот солдата посадили в королевскую карету. Карета катилась, а все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура!». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

МАЛЕНЬКИЙ КЛАУС И БОЛЬШОЙ КЛАУС

В одной деревне жили два человека. Они были тезки, того и другого звали Клаусом, но у одного было четыре лошади, а у другого только одна; так вот, чтобы их различать, того, у которого было четыре лошади, прозвали Большим Клаусом, а другого — Маленьким Клаусом. Послушаем-ка теперь, что с ними случилось, — это ведь было!

Всю неделю Маленький Клаус должен был пахать поле Большого Клауса и притом на своей единственной лошадке. Зато Большой Клаус, в свою очередь, помогал ему раз в неделю — по воскресеньям. Большой Клаус давал Маленькому Клаусу своих четырех лошадей. Ух ты, как звонко щелкал кнутом Маленький Клаус над всей пятеркой! Словно все лошади были его собственными. Солнце сияло, колокола звонили к обедне, разряженные люди шли с молитвенниками под мышкой в церковь, послушать проповедь священника. Все они видели, что Маленький Клаус пашет на пяти лошадях, а он, ликуя, щелкал кнутом да покрикивал:

— Эх вы, лошадушки вы мои!

— Не смей так говорить! — сказал ему однажды Большой Клаус. — У тебя ведь только одна лошадь!

Но вот опять кто-нибудь проходил мимо, и Маленький Клаус, позабыв о том, что ему запретили так говорить, снова покрикивал:

— Ну вы, лошадушки вы мои!

— Перестань сейчас же! — приказал ему наконец Большой Клаус. — Если ты скажешь это еще хоть раз, я возьму да стукну твою лошадь по лбу. Ей тогда сразу конец придет!

— Не буду больше! — сказал Маленький Клаус. — Право же, не буду!

Но тут кто-то опять прошел мимо и поздоровался с ним, а он от радости, что пашет на целых пяти лошадях, снова щелкнул кнутом и закричал:

— Ну вы, лошадушки вы мои!

— Вот я тебе покажу твоих лошадушек! — обозлился Большой Клаус.

Взял топор — да как хватит лошадь Маленького Клауса обухом по лбу. Убил наповал.

— Эх, нет теперь у меня ни одной лошадки! — сказал Маленький Клаус и заплакал.

Немного погодя он снял с лошади шкуру, высушил ее хорошенько на ветру и положил в мешок, потом взвалил мешок на спину и пошел в город продавать шкуру.

Идти пришлось очень далеко, через большой темный лес, а тут еще непогода разыгралась. Маленький Клаус заблудился, а когда выбрался на дорогу, уже совсем стемнело. До города было еще далеко, да и домой не близко, никак нельзя добраться ни туда, ни сюда раньше, чем наступит ночь.

При дороге стоял большой крестьянский двор, ставни в доме были уже закрыты, но сквозь их щели проникал свет.

«Тут я, пожалуй, найду себе приют на ночь», — подумал Маленький Клаус и постучался.

Хозяйка отперла дверь, но, узнав, чего он хочет, отказалась его впустить, объяснив, что мужа ее нет дома, а без него она не должна принимать гостей.

— Видно, придется переночевать на дворе! — сказал Маленький Клаус, когда хозяйка захлопнула дверь перед его носом.

Возле дома стоял большой стог сена, а между стогом и домом — сарайчик с плоской соломенной крышей.

— Вот там я и улягусь! — сказал Маленький Клаус, глядя на эту крышу. — Чудесная постель! Аист, надо надеяться, не слетит туда и не клюнет меня в ногу!

Это он сказал потому, что на крыше дома стоял живой аист в своем гнезде.

Маленький Клаус влез на крышу сарая, растянулся на соломе и принялся ворочаться с боку на бок, стараясь улечься поудобнее. Ставни в доме закрывали только нижнюю половину окон, и Маленький Клаус хорошо видел все, что делается в горнице.

В горнице был накрыт большой стол, а на нем — и вино, и жаркое, и вкусная рыба, за столом сидели хозяйка и пономарь — больше никого.

Хозяйка наливала гостю вино, а он уплетал рыбу — он был большой до нее охотник.

«Вот бы мне присоседиться!» — подумал Маленький Клаус и, вытянув шею, заглянул в окно. Боже, какой великолепный пирог он увидел! Вот так пир!

Но тут он услышал, что кто-то подъезжает к дому — вернулся домой хозяйкин муж. Это был очень хороший человек, но водилась за ним одна слабость: он видеть не мог пономарей. Стоило крестьянину встретить пономаря, как он приходил в бешенство. Потому-то пономарь и выбрал время, когда его не было дома, чтобы зайти к его жене, а добрая женщина постаралась угостить гостя на славу. Оба они до смерти перепугались, когда хозяин вернулся, и хозяйка попросила гостя поскорее влезть в большой пустой сундук, стоявший в углу. Пономарь послушался — он ведь знал, что бедняга хозяин терпеть не может пономарей, — а хозяйка проворно убрала все угощение в печку: если бы ее муж увидел кушанье и вино, он, конечно, спросил бы, кого она вздумала угощать.

— Ах! — громко вздохнул Маленький Клаус, лежа на сарае и глядя, как исчезает вкусная еда.

— Кто там? — спросил крестьянин и увидел Маленького Клауса. — Ты чего тут лежишь? Пойдем-ка лучше в горницу!

Маленький Клаус объяснил, что заблудился, припоздал, и попросился переночевать.

— Ну что ж, ночуй! — сказал крестьянин. — Только сперва нам с тобой надо подкрепиться.

Хозяйка встретила их обоих очень ласково, накрыла на стол и вынула из печки большой горшок каши.

Крестьянин проголодался и ел с большим аппетитом, а у Маленького Клауса из головы не шли жаркое, рыба и пирог, спрятанные в печке.

Под столом, у ног Маленького Клауса, лежал мешок с лошадиной шкурой, той самой, которую он нес продавать. Каша не лезла Клаусу в горло, и вот он придавил мешок ногой: сухая шкура громко заскрипела.

— Тсс! — сказал Маленький Клаус мешку, а сам опять наступил на него, и шкура заскрипела громче прежнего.

— Что там у тебя? — спросил хозяин.

— Да это всё мой колдун! — сказал Маленький Клаус. — Говорит, что не стоит нам есть кашу, — он уже наколдовал для нас полную печку всяких вкусных кушаний: там и жаркое, и рыба, и пирог.

— Вот так штука! — воскликнул крестьянин, мигом открыл печку и увидел там разные блюда, одно другого лучше. Мы-то знаем, что их туда спрятала его жена, а он думал, что это всё колдун наколдовал.

Жена не посмела сказать ни слова и живо поставила все блюда на стол, а муж с гостем принялись уплетать и жаркое, и рыбу, и пирог. Но вот Маленький Клаус опять наступил на мешок, и шкура закричала.

— Что он сейчас сказал? — спросил крестьянин.

— Да вот, говорит, что наколдовал нам еще три бутылки вина, они тоже в печке, — ответил Маленький Клаус.

Пришлось хозяйке вытащить и вино. Крестьянин выпил малую толику и совсем развеселился. И вот ему до смерти захотелось иметь такого колдуна, как у Маленького Клауса.

— А может он вызвать черта? — спросил крестьянин. — Вот на кого я бы посмотрел, ведь мне сейчас весело!

— Да! — ответил Маленький Клаус. — Мой колдун может сделать все, что я захочу. Правда? — спросил он у мешка, а сам наступил на него, и шкура закричала. — Слышишь? Он отвечает: «Да». Только черт очень уж безобразный, не стоит на него смотреть!

— Ну я его ни капельки не боюсь! А какой он на вид?

— Да вылитый пономарь!

— Тьфу! — плюнул крестьянин. — Вот мерзость! Надо тебе сказать, что я видеть не могу пономарей! Но все равно, ведь я знаю, что это черт, и мне будет не так противно! К тому же я сейчас набрался храбрости, это очень кстати. Только пусть он не подходит слишком близко!

— А вот я сейчас скажу колдуну! — проговорил Маленький Клаус, наступил на мешок и прислушался.

— Ну что?

— Он велит тебе пойти и открыть вон тот сундук в углу, черт в нем спрятался. Только придерживай крышку, а то он выскочит.

— А ты помоги придержать! — сказал крестьянин и пошел к сундуку, в который хозяйка спрятала пономаря.

Пономарь был ни жив ни мертв от страха. Крестьянин приоткрыл крышку и заглянул в сундук.

— Тьфу! — закричал он и отскочил прочь. — Видел, видел! Точь-в-точь наш пономарь! Вот гадость-то!

Подобную неприятность необходимо было запить, и собутыльники попивали вино до поздней ночи.

— А колдуна этого ты мне продай! — сказал крестьянин. — Прости сколько хочешь, хоть целую мерку денег!

— Нет, не могу! — отозвался Маленький Клаус. — Подумай, какую пользу я от него имею!

— Продай! Мне страсть как хочется его заполучить! — сказал крестьянин и принялся упрашивать Маленького Клауса.

— Ну, ладно, — проговорил наконец Маленький Клаус, — будь по-твоему. Ты со мной обошелся ласково, пустил меня переночевать, так бери себе моего колдуна за мерку денег; но смотри — насыпай поплнее!

— Хорошо! — сказал крестьянин. — Только возьми уж кстати и сундук, я и часу не хочу держать его у себя в доме. Почему знать, может, черт все еще там сидит.

Маленький Клаус отдал крестьянину свой мешок с высушенной шкурой и получил за него полную мерку денег, а еще крестьянин дал ему в придачу большую тачку, чтобы было на чем везти деньги и сундук.

— Прощай! — сказал Маленький Клаус и покатил тачку с деньгами и сундуком, в котором все еще сидел пономарь.

По ту сторону леса протекала большая глубокая река, да такая быстрая, что трудно было бороться с ее течением. Через реку был перекинут большой новый мост. Маленький Клаус встал посреди не моста и сказал как можно громче, чтобы пономарь услышал:

— К чему мне этот дурацкий сундук? Ну и тяжелый! Словно камнями набит. Замучаюсь я с ним. Брошу-ка его в реку, приплывет он ко мне домой сам — ладно, а не приплывет — и не надо!

И вот Маленький Клаус взялся за сундук одной рукой и слегка приподнял его, как будто хотел столкнуть в воду.

— Постой! — закричал в сундуке пономарь. — Выпусти меня сначала!

— Ай! — крикнул Маленький Клаус, делая вид, что испугался. — Он все еще тут! В воду его скорее! Пусть потонет!

— Нет, нет! Это не черт, это я! — кричал пономарь. — Выпусти меня, я тебе целую мерку денег дам!

— Вот это дело другое! — сказал Маленький Клаус и открыл сундук.

Пономарь мигом выскочил оттуда и столкнул пустой сундук в воду. Потом они пошли к пономарю, и Маленький Клаус получил еще целую мерку денег. Теперь вся тачка была доверху набита деньгами.

«А лошадка-то мне недурной барыш принесла! — подумал Маленький Клаус, когда пришел домой и высыпал на пол всю кучу денег. — Вот разозлится Большой Клаус, когда узнает, как я разбогател по милости своей единственной лошади! Только не стану я всего рассказывать».

И он послал к Большому Клаусу мальчика попросить мерку, которой мерят зерно.

«На что она ему нужна?» — подумал Большой Клаус и вымазал дно мерки дегтем, авось, мол, к нему что-нибудь да пристанет. Так оно и вышло: получив свою мерку, Большой Клаус увидел, что к ее дну прилипли три новенькие серебряные монетки.

— Вот так штука! — сказал Большой Клаус и сейчас же побежал к Маленькому Клаусу.

— Откуда у тебя столько денег?

— Вчера вечером продал шкуру своей лошади.

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус.

Побежал домой, взял топор и прикончил всех своих четырех лошадей, потом снял с них шкуры и отправился в город продавать их.

— Шкуры! Шкуры! Кому нужны шкуры! — кричал он по улицам.

Все сапожники и кожевники сбежались к нему и стали спрашивать, сколько он просит за шкуры.

— Мерку денег за штуку! — отвечал Большой Клаус.

— Да ты с ума сошел! — возмутились покупатели. — У нас столько денег не водится, чтобы их мерками тратить.

— Шкуры! Шкуры! Кому нужны шкуры! — кричал он опять и всем, кто спрашивал, почему у него шкуры, отвечал: — Мерку денег за штуку.

— Да он нас дурачить вздумал! — закричали сапожники и кожевники, схватили кто ремень, кто кожаный передник и принялись хлестать Большого Клауса.

— «Шкуры! Шкуры!» — передразнивали они его. — Вот мы тебе покажем шкуры! Дождешься, что кровью харкать будешь, красными поросятами плевать! Вон из города!

И Большой Клаус давай бог ноги! Отроду его так не колотили.

— Ну, — проговорил он, добравшись до дому, — поплатится же мне за это Маленький Клаус! Убью его!

А у Маленького Клауса как раз умерла старушка-бабушка; она, правда, была очень жадная и злая, но он все-таки ее жалел и на ночь уложил в свою теплую постель: авось оживет, думал. А сам уселся в углу на стуле — так ему случалось спать и прежде.

Ночью дверь открылась, и вошел Большой Клаус с топором в руках. Он знал, где стоит кровать Маленького Клауса, подошел к ней — и хватя по лбу того, кто на ней лежал. Думал, что это Маленький Клаус лежит, а там была мертвая бабушка.

— Вот тебе! Не будешь больше меня дурачить! — сказал Большой Клаус и пошел домой.

— Ну и злодей! — воскликнул Маленький Клаус. — Это он меня уколошить хотел! Хорошо, что бабушка уже умерла, а то бы ей все равно конец пришел!

Тут он одел бабушку в праздничное платье, потом попросил у соседа лошадь и запряг ее в тележку, а старушку усадил на заднее сиденье так, чтобы она не свалилась. Сел в тележку сам и покатил по лесу. Когда солнышко встало, Маленький Клаус подъехал к большому постоялому двору. Тут он остановился и пошел заказать себе чего-нибудь поесть.

Хозяин постоялого двора был человек богатый и в общем неплохой, но слишком уж горячий, точно перцем и табаком начиненный.

— Здравствуй! — сказал он Маленькому Клаусу. — Что это ты нынче расфрантился спозаранку?

— Да вот, пришлось бабушку в город везти, — ответил Маленький Клаус, — она там, в тележке, осталась, ни за что не хочет вылезать. Пожалуйста, отнесите ей туда стаканчик меду; только говорите погромче: глуховата она!

— Ладно! — согласился хозяин. Взял большой стакан меду и понес его мертвой бабушке, а та сидела в тележке прямая как палка.

— Вот, прислал вам внучек стаканчик меду! — проговорил хозяин, подойдя к тележке, но старуха не ответила ему ни слова, даже не пошевелинулась.

— Слышите? — закричал хозяин во весь голос. — Ваш внук посылает вам стакан меду!

Еще раз прокричал он то же самое и еще раз — не шелохнулась старуха. Тогда он рассердился и запустил ей стаканом прямо в лицо, так что мед потек у нее по носу, а сама она опрокинулась на-

взничь — Маленький Клаус ведь не привязал её, а только прислонил к спинке скамейки.

— Что ты наделал? — завопил Маленький Клаус и, выскочив из дома, схватил хозяина за шиворот. — Ты мою бабушку убил! Погляди, какая у нее дырка во лбу!

— Вот беда-то! — заохал хозяин, всплеснув руками. — И все из-за моей горячности! Маленький Клаус, друг, я тебе целую мерку денег дам, а бабушку твою похороню, как свою собственную, только ты про все, что было, — молчок! Не то мне голову отрубят, а это не очень-то приятно!

И вот Маленький Клаус получил целую мерку денег, а хозяин похоронил его старую бабушку не хуже, чем свою собственную.

Маленький Клаус опять вернулся домой с целой кучей денег и сейчас же послал к Большому Клаусу мальчика за меркой.

«Как так? — удивился Большой Клаус. — Да неужто я его не убил? Надо посмотреть своими глазами».

И он сам понес мерку Маленькому Клаусу.

— Откуда это у тебя такая куча денег? — спросил он и даже глаза вытаращил, увидев, сколько у его соседа прибавилось денег.

— Убил-то ведь ты не меня, а мою бабушку, — ответил Маленький Клаус, — и я ее продал за мерку денег!

— С барышом продал! — сказал Большой Клаус, побежал домой, взял топор и убил свою старую бабушку, потом положил ее в тележку, отвез в город аптекарю и предложил ему купить мертвое тело.

— Чье оно и где вы его взяли? — спросил аптекарь.

— Это моя бабушка! — ответил Большой Клаус. — Я убил ее, чтобы продать за мерку денег!

— Господи помилуй! — воскликнул аптекарь. — Да вы сами не знаете, что говорите! Берегитесь, за это с вас могут голову снять!

И аптекарь растолковал Большому Клаусу, каких дел он наделал, какой он дурной человек и как его за это накажут. Большой Клаус перепугался, опрометью выскочил из аптеки, сел в тележку, стегнул по лошадям и помчался домой. Аптекарь и все вокруг подумали, что он сумасшедший, и потому не стали его ловить.

— Ну и заплатишься ты мне за это, ну и заплатишься, Маленький Клаус! — вскричал Большой Клаус, выехав на дорогу.

И как только добрался он до дому, взял огромный мешок, пошел к Маленькому Клаусу и сказал:

— Ты опять меня одурачил! Сперва я убил своих лошадей, а теперь и бабушку! И все это по твоей милости! Но уж больше тебе меня не надуть!

И вот он схватил Маленького Клауса и засунул его в мешок, а мешок завязал, вскинул себе на спину и крикнул:

— Пойду утоплю тебя!

До реки было недалеко, и Большому Клаусу стало тяжело тащить Маленького. Дорога шла мимо церкви, из которой доносились звуки органа, да и молящиеся хорошо пели хором. Большой Клаус поставил мешок с Маленьким Клаусом у самых церковных дверей и подумал, что не худо бы зайти в церковь послушать псалом — а потом уж идти дальше. Маленький Клаус не мог ведь вылезти из мешка без чужой помощи, а весь народ был в церкви. И вот Большой Клаус вошел туда.

— Ох-ох! — вздыхал Маленький Клаус, ворочаясь в мешке; но как он ни старался развязать мешок — не мог. В это самое время проходил мимо старый, седой как лунь пастух, который гнал свое стадо, с большим посохом в руках. Коровы и быки набежали на мешок с Маленьким Клаусом и повалили его.

— Ох-ох! — заохал Маленький Клаус. — Какой я молодой, а уже должен отправиться в Царство Небесное!

— А я, несчастный, совсем одряхлел, но все никак не могу туда попасть! — сказал пастух.

— Развяжи мешок! — закричал Маленький Клаус. — Полезай на мое место — живо туда попадешь!

— С большим удовольствием! — сказал пастух и развязал мешок, а Маленький Клаус мигом выскочил на волю.

— Теперь ты будешь пасти скотину! — сказал старик и влез в мешок.

Маленький Клаус завязал его и погнал стадо дальше.

Немного погодя из церкви вышел Большой Клаус и взвалил мешок себе на спину, тут ему сразу показалось, что мешок стал гораздо легче: ведь Маленький Клаус весил вдвое больше старика-пастуха.

«Ишь как теперь легко стало! А все оттого, что я прослушал псалом!» — подумал Большой Клаус, а когда дошел до широкой и глубокой реки, бросил в нее мешок с пастухом и, полагая, что там сидит Маленький Клаус, крикнул:

— Ну вот, вперед не будешь меня дурачить!

Затем он отправился домой, но у перепутья встретил Маленького Клауса с целым стадом!

— Вот тебе раз! — воскликнул Большой Клаус. — Да разве я тебя не утопил?

— Утопил, конечно! — ответил Маленький Клаус. — Прошло уже с полчаса с тех пор, как ты меня в реку бросил.

— Так откуда же ты взял такое громадное стадо? — спросил Большой Клаус.

— А это водяное стадо! — ответил Маленький Клаус. — Расскажу тебе целую историю. Но сначала поблагодарю тебя за то, что ты меня утопил, — как видишь, я теперь разбогател! Правда, страшновато мне было в мешке. Ветер так и засвистел в ушах, когда ты бросил меня в холодную воду. Я сразу пошел ко дну, но не ушибся: там на дне растет нежная, мягкая травка — в нее-то я и упал. Мешок сейчас же развязался, и откуда ни возьмись появилась девушка, да такая красotka! В белом как снег платье и зеленом венке на мокрых волосах. Она взяла меня за руку и сказала: «А, это ты, Маленький Клаус? Слушай: прежде всего бери этот скот, а в миле отсюда, на дороге, пасется другое стадо, побольше, иди к нему, я дарю его тебе».

Тут я увидел, что для водяных жителей река все равно что дорога: они ездят и ходят по дну от самого озера и до верховьев реки. До чего хорошо! Какие цветы, какая свежая трава! А рыбки шмыгали мимо моих ушей — точь-в-точь как у нас здесь птички! Что за красавцы попадались мне навстречу, и какие чудесные стада паслись у изгородей и канав!

— Почему же ты скоро вернулся? — спросил Большой Клаус. — Если там так хорошо, меня оттуда нипочем не выманили бы!

— А я это неспроста сделал! — сказал Маленький Клаус. — Я тебе уже говорил, что водяная девушка велела мне отправиться за другим стадом, которое пасется при дороге, всего в одной миле от того места, где мы с ней встретились, — дорогой она называет реку, другой дороги у них нету; а река так петляет, что мне пришлось бы сделать здоровый крюк, пойдя я по дну. Вот я и решил выбрать-ся на сушу да шагать напрямиком к тому месту, где ждет меня мое водяное стадо, так я сокращу путь почти на полмили.

— Экий счастливец! — сказал Большой Клаус. — А как ты думаешь, я тоже получу стадо, если спущусь на дно?

— Конечно! — ответил Маленький Клаус. — Только я не могу тащить тебя в мешке до реки, больно уж ты тяжелый. Хочешь, дой-

ди до неё сам и влезь в мешок, а я с превеликой охотой сброшу тебя в воду!

— Спасибо! — проговорил Большой Клаус. — Но берегись, если я там не получу стада, я тебя изобью, так и знай!

— Ну, ну, не кипятись! — сказал Маленький Клаус, и они пошли к реке.

Скоту очень хотелось пить, и, едва завидев воду, все стадо бросилось к ней.

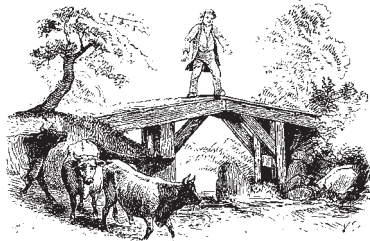
— Погляди, как они торопятся! — сказал Маленький Клаус. — Это им не терпится поскорее попасть домой — на дно!

— А ты сперва помоги мне, а не то я тебя изобью! — сказал Большой Клаус и влез в мешок, который лежал на спине у одного быка. — Да положи мне в мешок камень, а то я, пожалуй, не пойду ко дну!

— Пойдешь! — возразил Маленький Клаус, но все-таки положил в мешок большой камень, потом крепко завязал его и толкнул в воду.

Бултых! — и Большой Клаус пошел прямо ко дну.

— Ох, боюсь, не найдет он там ни коров, ни быков! — сказал Маленький Клаус и погнал свое стадо домой.

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Жил-был один принц, и захотелось ему жениться на принцессе, но только на самой настоящей принцессе. Он объездил весь свет, чтобы найти себе невесту, да так и не нашел. Принцесс было сколько угодно, но он никак не мог узнать, настоящие они или нет. Всем им чего-нибудь не хватало. И вот принц вернулся домой огорченный — очень уж ему хотелось найти настоящую принцессу.

Однажды вечером разыгралась непогода: гремел гром, сверкала молния, дождь лил как из ведра.

Вдруг кто-то постучался в городские ворота, и старый король пошел отpirать.

За воротами стояла принцесса. Но, боже, в каком она была виде! Потоки дождевой воды стекали по ее волосам и платью на носки туфель и вытекали из-под каблуков. И она еще уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну это уж мы проверим», — подумала старая королева, но ничего не сказала и пошла в спальню. Там она сбросила с кровати одеяло и простыни и на голые доски положила горошину, потом прикрыла эту горошину двенадцатью тюфяками, а поверх тюфяков набросала еще двенадцать перинок из гагачьего пуха.

На эту кровать уложили принцессу, и там она пролежала всю ночь.

Утром ее спросили, как она почивала.

— Ах, очень плохо! — ответила принцесса. — Я почти всю ночь напролет глаз не смыкала. Один бог знает, что такое попало ко мне

в постель. Я лежала на чем-то твердом, и теперь у меня все тело в синяках. Это просто ужасно!

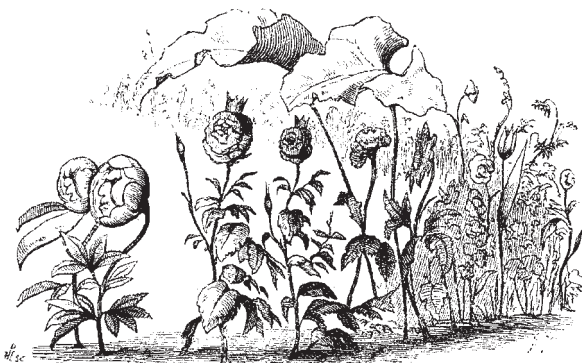
Тут все поняли, что это настоящая принцесса, ведь она лежала на двенадцати тюфяках и двенадцати перинках, а все-таки чувствовала горошину. Столь чувствительной могла быть только настоящая принцесса.

Тогда принц женился на ней — наконец-то он не сомневался, что нашел настоящую принцессу. А горошина попала в кунсткамеру, где и лежит до сих пор, если только никто ее не украл.

Знай, что это истинная история!

ЦВЕТЫ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ

— **Б**едные мои цветочки умерли! — сказала маленькая Ида. — Еще вчера вечером они были такие красивые, а теперь все поникли. Отчего это так? — спросила она студента, сидевшего на диване.

Она очень любила этого студента: он умел рассказывать чудеснейшие истории и вырезать из бумаги презабавные картинки — сердечки с крошками-танцовщицами внутри, цветы и великолепные дворцы с дверями, которые можно было открыть. Великий затейник был этот студент!

— Почему у цветов такой плохой вид сегодня? — снова спросила Ида и показала ему увядший букет.

— Знаешь что? — сказал студент. — Сегодня ночью цветы были на балу — вот они теперь и повесили головки.

— Да ведь цветы не танцуют! — удивилась маленькая Ида.

— Танцуют! — возразил студент. — По ночам, когда темно и все мы спим, они весело пляшут друг с другом. Почти каждую ночь у них бывает бал.

— А детям нельзя пойти к ним на бал?

— Можно, — сказал студент. — Ведь маленькие маргаритки и ландыши тоже танцуют.

— А где танцуют самые красивые цветы? — спросила маленькая Ида.

— Ты бывала за городом, где стоит большой дворец — летом в нем живет король — и где такой чудесный сад с цветами? Помнишь лебедей, которые подплывали к тебе за хлебными крошками? Вот там-то у цветов и бывают настоящие балы!

— Я еще вчера была там с мамой, — сказала маленькая Ида, — но теперь на деревьях больше нет листьев, а в саду нет цветов. Куда они подевались? Летом их так много!

— Они все во дворце, — ответил студент. — Надо тебе сказать, что, как только король и придворные переедут в город, цветы сейчас же убегают из сада прямо во дворец, и там для них наступает веселое время! Вот бы тебе посмотреть! Две самые красивые розы садятся на трон — это король с королевой. А красные петушки гребешки становятся возле них, стоят и кланяются, — это камер-юнкеры. Потом приходят другие прекрасные цветы, и начинается бал. Гиацинты и крокусы изображают маленьких морских кадетов и танцуют с барышнями — голубыми фиалками, а тюльпаны и большие желтые лилии — это пожилые дамы, и они следят за тем, чтобы все танцевали чинно и вообще вели себя прилично.

— А цветочкам не достанется за то, что они танцуют в королевском дворце? — спросила маленькая Ида.

— Да ведь никто не знает, что они там танцуют! — ответил студент. — Правда, старик-смотритель иной раз заглянет во дворец ночью с большой связкой ключей в руках, но цветы, как только заслышат бречание ключей, сейчас же присмиреют, спрячутся за длинные занавески, которые висят на окнах, и только чуть-чуть выглядывают оттуда, одним глазом. «Тут что-то пахнет цветами!» — бурчит тогда старик-смотритель, а видеть ничего не видит.

— Вот забавно! — сказала маленькая Ида и даже в ладоши хлопала. — Значит, я тоже не могу их увидеть?

— Можешь, — ответил студент. — Загляни в окошки, когда опять пойдешь туда, вот и увидишь. Сегодня я видел там длинную желтую лилию: она лежала и потягивалась на диване — воображала себя придворной дамой.

— А цветы из Ботанического сада тоже могут прийти туда, хотя сад далеко от дворца?

— Ну конечно могут! — ответил студент. — Ведь они умеют летать и летают, когда захотят. Разве ты не заметила, до чего красивы бабочки, красные, желтые, белые? Они совсем как цветы и когда-то были цветами. Однажды прыгнули они со стебелька высоко в воздух, захлопали лепестками, словно крошечными крыльшками, и полетели. А так как они вели себя хорошо, то им позволили летать и днем. Теперь им уже не нужно было возвращаться домой и смиренно сидеть на стебельке, вот их лепестки и пре-

вратились в настоящие крылья. Ты ведь это сама видела. А впрочем, может быть, цветы из Ботанического сада и не бывают в королевском дворце. Может быть, они даже не знают, как там весело по ночам. Вот что ты должна сделать — и пусть потом удивляется профессор ботаники, который живёт тут рядом, ты ведь его знаешь? Когда придёшь в его сад, расскажи какому-нибудь цветочку про большие балы в королевском дворце! Цветок расскажет об этом остальным, и все они убегут. Профессор придёт в сад, а там ни единого цветочка! То-то он удивится! «Куда же они девались?» — подумает.

— Да как же цветок расскажет другим? Цветы ведь не говорят.

— Конечно нет, — проговорил студент, — зато они умеют объясняться знаками. Ты сама видела, как они качаются, чуть подует ветерок, как шевелят своими зелеными листочками. И они так же хорошо понимают друг друга, как мы, когда беседуем.

— А профессор понимает их? — спросила маленькая Ида.

— Разумеется! Однажды утром он пришел в сад и видит, что высокая крапива делает знаки своими листьями прелестной красной гвоздике. Вот что ей говорила крапива: «Ты так мила, я тебя очень люблю». Профессору это не понравилось, и он ударил крапиву по листьям, а листья у нее — все равно что у нас пальцы, ударил и обжегся! С тех пор он не смеет ее трогать.

— Вот забавно! — сказала маленькая Ида и засмеялась.

— Ну можно ли набивать голову ребенку такими пустяками? — возмутился скучный советник, который тоже пришел в гости к родителям Иды и сидел на диване.

Он терпеть не мог студента и вечно ворчал на него, особенно когда тот вырезал затейливые и забавные фигурки — вроде человека на виселице и с сердцем в руках (его повесили за то, что он был сердцеедом) или старой ведьмы на помеле с мужем на носу. Все это очень не нравилось советнику, и он вечно твердил:

— Ну можно ли набивать голову ребенку такими пустяками? Что за дурацкая фантастика?

Но маленькую Иду очень позабавил рассказ студента о цветах, и она думала о них целый день. Итак, цветы повесили головки потому, что устали после бала. Немудрено, что они захворали.

Маленькая Ида донесла цветы к столику, на котором стояли все ее игрушки, ящик этого столика тоже был битком набит разными разностями. В кукольной кровати спала кукла Софи, но маленькая Ида разбудила ее.

— Тебе придется встать, Софи, — сказала она, — и эту ночь провести в ящике. Бедные цветы больны, их надо положить в твою постельку — тогда они, может быть, выздоровеют.

И она вынула куклу из кровати. Вид у Софи был очень недовольный, но она не сказала ни слова, рассердившись на Иду за то, что та подняла ее с кровати.

Маленькая Ида уложила цветы в постельку, хорошенько укрыла их одеяльцем и велела им лежать смирно, обещая за это напоить их чаем и уверяя, что тогда они утром встанут совсем здоровыми. Потом она задернула полог, чтобы солнце не светило в глаза ее цветочкам.

Весь вечер рассказ студента не выходил у нее из головы, и, собираясь идти спать, девочка не удержалась и заглянула за спущенные на ночь оконные занавески. На подоконниках стояли чудесные цветы ее матери — тюльпаны и гиацинты, и маленькая Ида шепнула им тихо-тихо:

— А я знаю, что ночью вы пойдете на бал!

Цветы сделали вид, что ничего не поняли; они даже не шелохнулись. Ну да маленькую Иду не проведешь!

В постели Ида еще долго думала все о том же и представляла себе, как это, должно быть, мило, когда цветочки танцуют! «Неужели и мои цветы были на балу во дворце?» — подумала она и заснула.

Но посреди ночи маленькая Ида вдруг проснулась: она только что видела во сне цветы, студента и советника, который бранил студента за то, что он набивает ей голову пустяками. В комнате, где лежала Ида, было тихо, на столе горел ночник, и родители девочки крепко спали.

— Интересно, спят ли мои цветы в кукольной постельке? — сказала себе маленькая Ида. — Как бы мне хотелось это знать! — Она приподнялась, чтобы посмотреть в полуоткрытую дверь, за которой лежали ее игрушки и цветы, потом стала прислушиваться. И вот ей показалось, будто в соседней комнате играют на рояле, но очень тихо и нежно, такой музыки ей еще не приходилось слышать.

— Должно быть, цветы танцуют! — сказала себе Ида. — Господи, как бы мне хотелось на них посмотреть!

Но она не смела встать с постели, чтобы не разбудить родителей.

— Хоть бы цветы сами вошли сюда! — мечтала она.

Но цветы не входили, а чудесная музыка все звучала. Тогда маленькая Ида не выдержала, потихоньку вылезла из кровати, прокралась на цыпочках к дверям и заглянула в соседнюю комнату. О, как там было хорошо!

В той комнате ночник не горел, но тем не менее было совсем светло от месяца, смотревшего из окошка прямо на пол, где в два ряда выстроились тюльпаны и гиацинты. На окнах не осталось ни одного цветка, там стояли только горшки с землей. А на полу все цветы танцевали друг с другом, да так мило: то становились в круг, то протягивали друг другу длинные зеленые листочки и кружились попарно. На рояле играла большая желтая лилия — наверное, это ее видела маленькая Ида летом! Девочка помнила, как студент сказал: «Ах, как она похожа на фрекен Лину!» Тогда все подняли его на смех, но теперь Иде и в самом деле почудилось, будто длинная желтая лилия похожа на Лину. Она и на рояле играла точь-в-точь как Лина — поворачивала свое длинное желтое лицо то в одну сторону, то в другую и кивала в такт чудесной музыке. Иды не заметил никто.

Но вдруг маленькая Ида увидела, что большой голубой крокус вскочил прямо на середину стола с игрушками, подошел к кукольной кровати и отдернул полог. На кровати лежали больные цветы, они быстро встали и кивнули в знак того, что и им тоже хочется танцевать.

Старый Курилка со сломанной нижней губой встал и поклонился прекрасным цветам. Они были ничуть не похожи на больных, спрыгнули на пол и очень довольные стали танцевать с другими цветами.

В эту минуту послышался стук — словно что-то упало со стола. Ида посмотрела в ту сторону. Оказалось, это масленичная верба быстро спрыгнула вниз к цветам, так как считала себя их родственницей. Верба, украшенная бумажными цветами, тоже была очень мила; на верхушке ее сидела крошечная восковая куколка в широкополой шляпе, точь-в-точь такой, как у советника.

Громко топая своими тремя красными деревянными ножками, верба прыгала среди цветов. Она танцевала мазурку, а другие цветы не знали этого танца, потому что были слишком легки и не могли топтать с такой силой.

Но вот куколка на вербе вдруг вытянулась, завертелась над бумажными цветами и громко закричала:

— Ну можно ли набивать голову ребенку такими пустяками? Что за дурацкая фантастика?

Теперь кукла была удивительно похожа на советника — в такой же широкополой шляпе, такая же сердитая и желтая! Но бумажные цветы ударили ее по тонким плечам, и она совсем съежилась, снова превратившись в крошечную восковую куколку. Это было так забавно, что Ида не могла удержаться от смеха.

Верба продолжала плясать, и советнику волей-неволей приходилось плясать вместе с ней, все равно — вытягивался ли он во всю длину или оставался крошечной восковой куколкой в черной широкополой шляпе. Наконец цветы, особенно те, что лежали в кукольной кроватке, стали жалеть советника, и верба оставила его в покое. Вдруг что-то громко застучало в ящике стола, где вместе с другими игрушками лежала кукла Софи. Курилка добежал до края стола, лег ничком и слегка выдвинул ящик. Софи встала и удивленно огляделась.

— Да тут, оказывается, бал! — проговорила она. — Почему мне об этом не сказали?

— Хочешь танцевать со мной? — спросил ее Курилка.

— Хорош кавалер! — отрезала Софи и повернулась к нему спиной, потом уселась на ящик и стала ждать, что ее пригласит какой-нибудь цветок, но никто и не думал ее приглашать. Тогда она принялась покашливать: «Кх, кх, кх!» Но и тут никто к ней не подошел. А Курилка плясал один, и не так уж плохо.

Заметив, что цветы на нее и не смотрят, Софи вдруг свалилась с ящика на пол, да с таким грохотом, что все сбежались, окружили ее и стали спрашивать, не ушиблась ли она. Цветы разговаривали с ней очень ласково, особенно те, которые только что спали в ее кроватке. Софи ничуть не ушиблась, и цветы маленькой Иды стали благодарить ее за чудесную постельку, потом увели с собой в лунный кружок на полу и начали танцевать с ней, а другие цветы затеяли хоровод и плясали вокруг них. Тогда Софи, очень довольная, сказала цветочкам, что уступает им свою кроватку — ей хорошо и в ящике!

— Спасибо, — отозвались цветы, — но мы не можем жить долго. Утром мы совсем умрем. Скажи только маленькой Иде, чтобы она похоронила нас в саду, где зарыта канарейка. Летом мы опять вырастем и будем еще красивее.

— Нет, вы не должны умирать! — воскликнула Софи и поцеловала цветы.

В это мгновение дверь открылась, и в комнату вошла целая толпа красивейших цветов. Маленькая Ида никак не могла понять, откуда они взялись, — должно быть, из королевского дворца. Впереди шли две прелестные розы в маленьких золотых коронах — это были король с королевой. За ними, раскланиваясь на все стороны, двигались чудесные левкой и гвоздики. Музыканты — крупные маки и пионы — дули в стручки, краснея от натуги, а маленькие голубые колокольчики и беленькие подснежники звенели, точно на них

были надеты бубенчики. Вот была забавная музыка! За музыкантами шло множество других цветов, и все они танцевали — и голубые фиалки, и красные маргаритки, и ромашки, и ландыши. Цветы танцевали и целовались, да так мило, что просто загляденье!

Наконец все пожелали друг другу доброй ночи, а маленькая Ида пробралась в свою кровать, и до утра ей снились цветы и все, что она видела ночью.

Утром она встала и побежала к своему столику — посмотреть, там ли ее цветочки.

Она отдернула полог... Да, цветы лежали в кровати, но совсем, совсем увядшие! Софи тоже лежала на своем месте, в ящике, и лицо у нее было сонное.

— А ты помнишь, что тебе велели передать мне? — спросила маленькая Ида.

Но Софи только тупо смотрела на нее, не раскрывая рта.

— Какая же ты нехорошая! — сказала маленькая Ида. — А они еще танцевали с тобой!

Потом она взяла картонную коробочку, на крышке которой была нарисована хорошенькая птичка, открыла ее и положила туда мертвые цветы.

— Вот вам и гробик! — сказала она. — А когда придут мои норвежские кузены, мы вас зароем в саду, чтобы вы на будущее лето опять выросли и стали еще красивее!

Йонас и Адольф, двоюродные братья Иды, приехавшие из Норвегии, были бойкие мальчуганы. Отец подарил им по новому самострелу, и они взяли их с собой, чтобы показать Иде. Она рассказала мальчикам про бедные умершие цветы и велела похоронить их. Впереди шли мальчишки с самострелами на плечах, за ними — маленькая Ида с мертвыми цветами в коробке. Могилку вырыли в саду. Ида поцеловала цветы и опустила коробку в ямку, а Йонас с Адольфом выстрелили над могилой из самострелов — ни ружей, ни пушек у них ведь не было.

ДЮЙМОВОЧКА

Жила на свете одна женщина, и не было у нее детей. А ей очень хотелось иметь ребенка, но она не знала, где его найти. Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

— Мне очень хочется ребеночка, может, ты скажешь, где мне его взять?

— Ну что ж, горю твоему можно помочь! — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно, это не простое зерно, не такое, как те, что посеяны в поле или идут на корм курам. Посади это зернышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина, дала колдунье денег и пошла домой.

Дома она посадила в цветочный горшок ячменное зерно, и из него тотчас же вырос прекрасный большой цветок, похожий на тюльпан, только лепестки у него были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой красивый цветок! — воскликнула женщина и поцеловала прелестные, красные с желтым, лепестки, но не успела она их поцеловать, как в цветке что-то щелкнуло, и он весь раскрылся — теперь стало ясно, что это настоящий тюльпан. В его чашечке, на зеленом пестике, сидела хорошенькая крошечная девочка, ростом не больше дюйма. Поэтому ее и назвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупа грецкого ореха служила ей колыбелькой, голубые фиалки — тюфяком, а лепесток розы — одеялом. Ночью она спала в колыбели, а днем играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой и положила в нее цветы

так, что стебельки их были погружены в воду, а чашечки венком лежали по краям; на воду она пустила большой лепесток тюльпана — на него часто садилась Дюймовочка и плавала от одного края тарелки до другого, два белых конских волоса заменяли ей весла. Все это было прелестно! Еще Дюймовочка умела петь, да таким нежным и красивым голоском, какого никто на свете не слыхивал.

Однажды ночью, когда она лежала в своей хорошенькой колыбели, в разбитое окно вскочила отвратительная жаба, большая и мокрая. Она прыгнула прямо на стол, где под лепестком розы спала Дюймовочка.

— Вот славная жена для моего сынка! — квакнула жаба и, схватив скорлупку с девочкой, выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекал большой, широкий ручей, берега у него были топкие, болотистые, и здесь-то, в тине, и жила жаба со своим сыном. У! Какой он был гадкий и противный! Вылитая мать! «Коакс, коакс, брекке-ке-кекс!» — вот все, что он смог проквакать, когда увидел прелестную девочку в ореховой скорлупе.

— Тише! Не то она проснется и убежит от нас! — остановила его старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим ее на середину ручья, на широкий лист кувшинки, такой крошке он покажется целым островом. С листа она убежать не сможет, а мы тем временем приготовим в тине удобное гнездышко, в котором вы будете жить.

В ручье росло много белых кувшинок, и их широкие зеленые листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Старая жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку с Дюймовочкой. Рано утром бедная крошка проснулась и, увидев, куда она попала, горько заплакала — кругом, куда ни посмотришь, вода да вода, а берег чуть виднеется вдали.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и желтыми кувшинками — ей хотелось порадовать будущую невестку. Покончив с приготовлениями к свадьбе, она поплыла со своим безобразным сынком к листу, на котором стояла Дюймовочка, чтобы забрать ее нарядную кроватку и заранее поставить в спальню будущих новобрачных. Приблизившись, старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. И вы славно заживете у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — проквакал сынок.

Жабы взяли нарядную кроватку и куда-то уплыли с ней. А Дюймовочка сидела одна на зеленом листе и горько-горько плакала — очень уж ей не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за ее противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали в воде под листом, видели жабу и слышали ее слова, и теперь они высунули головы из воды, чтобы поглядеть на Дюймовочку. Как только они ее увидели, им стало очень грустно, что такой прелестной девочке придется жить у гадкой жабы. «Так не бывать же этому!» — решили рыбки и, подплыв к листу кувшинки, на котором стояла Дюймовочка, перекусили его зеленый стебель. И вот лист с Дюймовочкой быстро поплыл по течению — теперь жаба не могла бы догнать девочку.

Дюймовочка плыла все дальше и дальше. Птички, сидевшие в кустах, смотрели на нее и пели: «Какая прелестная маленькая девочка!» А лист все плыл да плыл, и, наконец, Дюймовочка очутилась в чужих краях.

Вокруг Дюймовочки все время порхал красивый белый мотылек и наконец опустился на ее лист — уж очень она ему понравилась. А Дюймовочка радовалась, что гадкая жаба не может ее догнать, что все вокруг так красиво, а вода сверкает на солнце, как червонное золото.

Дюймовочка сняла с себя пояс, один его конец набросила на мотылька, а другой прикрепила к листу — и лист поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук. Увидев девочку, он обхватил ее лапкой за тонкую талию и унес на дерево, а лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылек — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Как испугалась бедная Дюймовочка, когда майский жук схватил ее и посадил на дерево! Но не так она боялась за себя, как за красивого белого мотылька, которого привязала к листу, — она знала, что, если ему не удастся освободиться, он умрет с голоду. Майский жук об этом и не помышлял. Он уселся с Дюймовочкой на самый большой лист, угостил ее сладким цветочным соком и сказал, что она очаровательна, хоть и ничуть не похожа на майского жука. Потом к ним прилетели гости — другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, и барышни шевелили усиками и говорили:

— У нее только две ножки! Какое убожество!

— У нее даже нет усиков!

— Какая у нее тонкая талия! Фи, она похожа на человека! Как она некрасива! — твердили в один голос все дамы.

На самом деле Дюймовочка была прелестна. Это находил и майский жук, который принес ее на дерево, но, когда все остальные сказали, что она безобразна, он под конец сам поверил этому и не стал держать ее у себя: пусть идет куда знает, решил он. И вот он слетел с Дюймовочкой на землю и посадил ее на ромашку. Дюймовочка горько заплакала: ей было обидно, что она такая некрасивая — даже майские жуки не захотели принять ее к себе. А ведь она была самой очаровательной девочкой, какую только можно себе представить: нежная и ясная, как прекрасный розовый лепесток.

Все лето прожила бедная Дюймовочка одна-одинешенька в большом лесу. Она сплела себе из травинок кровать и подвесила ее под лист лопуха, чтобы ее не замочил дождик; она ела сладкую цветочную пыльцу и пила росу, которую каждое утро находила на листьях. Так прошло лето, прошла и осень, приближалась длинная, холодная зима. Все птички, которые так радовали Дюймовочку своим пением, улетели в теплые края, цветы завяли, листья осыпались, а большой лопух, под которым она жила, пожелтел, высох и свернулся в трубочку. Платице Дюймовочки изорвалось, и она все время зябла, а ведь она была такая нежная и маленькая, долго ли ей было замерзнуть. Пошел снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки словно целая лопата снега для нас: мы-то ведь большие, а она была всего в дюйм ростом. Она завернулась было в сухой листок, но он разорвался, и бедняжка дрожала от холода.

Однажды Дюймовочка выбралась из леса на большое поле, хлеб давно уже был убран, и только голые сухие соломинки торчали из мерзлой земли. Дюймовочка шла между ними, как в густом лесу, и холод пронизывал ее. Наконец она подошла к норке, прикрытой сухими былинками. Тут, в тепле и довольстве, жила полевая мышь, амбары ее были битком набиты зерном, кухня и кладовая ломились от припасов. Бедная Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зернышка — вот уже два дня как у нее крошки во рту не было.

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь, она была добрая старуха. — Ну иди сюда скорей, погрейся да поешь со мной.

И так понравилась Дюймовочка старой мыши, что та предложила:

— Оставайся у меня на зиму. Только смотри, хорошенько убрый мои комнаты и рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

Дюймовочка осталась, она все делала так, как приказывала добрая старая мышь, и жилось ей хорошо.

— Скоро у нас будут гости, — сказала однажды полевая мышь, — раз в неделю ко мне приходит мой сосед. Он живет еще лучше меня, в просторном доме, и носит роскошную шубку из черного бархата. Вот если б тебе посчастливилось выйти за него замуж, ты бы жила без забот. Но только он слепой. Ты должна будешь рассказывать ему самые красивые сказки, какие только знаешь!

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа — ведь он был крот. Вскоре он пришел к полевой мыши с визитом, одетый в черную бархатную шубку.

— Он такой важный, ученый, богатый, — говорила полевая мышь, — дом его в двадцать раз больше моей норки, но он ненавидит солнце и цветы, считает их отвратительными — он ведь никогда их не видел.

Мышь приказала Дюймовочке что-нибудь спеть, и она спела две песенки, да так мило, что крот, очарованный ее прелестным голосом, сразу в нее влюбился. Но он не сказал ни слова — ведь он был мужчина степенный.

Немного погодя он прорыл длинный подземный ход от своего дома до жилища полевой мыши и разрешил ей и Дюймовочке гулять по этому коридору, когда им вздумается. Однако он предупредил их, чтобы они не пугались мертвой птицы — самой настоящей птицы, с перьями и клювом, — которая умерла, должно быть, совсем недавно, в начале зимы, и была похоронена как раз в том месте, где он прорыл свой ход.

Крот взял в зубы кусок гнилушки — она ведь светится в темноте — и пошел вперед, освещая длинный темный коридор. Когда они дошли до того места, где лежала мертвая птица, крот ткнул мордой в земляной потолок и пробил в нем большую дыру, через которую в коридор проник дневной свет.

Дюймовочка увидела мертвую ласточку: ее красивые крылышки были крепко прижаты к телу, голову и лапки она втянула, и, прикрытые перьями, они не были видны; скорей всего, бедная птичка умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко ее — ведь она так любила птичек, которые целое лето утешали ее свои-

ми песенками. А крот толкнул мёртвую ласточку короткими лапами, сказав:

— Наконец-то перестала пищать! Нет ничего хуже, чем родиться птицей. Слава богу, детям моим не грозит эта участь. Птицы только и умеют что чирикать да щебетать, а придет зима — что им делать, как не помирать с голоду.

— Вам хорошо говорить, вы человек благоразумный, — отозвалась полевая мышь. — Вполне с вами согласна: что проку от чириканья, когда придет зима! Песнями сыт не будешь, а чириканьем не согреешься. Потому-то птицы и умирают от голода и холода. Впрочем, это судьба всех бедных, но благородных людей.

Дюймовочка не сказала ни слова, когда же крот с мышью повернулись спиной, она наклонилась над ласточкой, раздвинула ее перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глазки.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно пела летом, — подумала она. — Как много радости доставила она мне, милая красивая птичка!»

Потом крот опять заделал дыру, сквозь которую проникал дневной свет, и проводил своих дам домой. Ночью Дюймовочка никак не могла уснуть. Она встала с постели, сплела из сухих былинков большое красивое одеяло и, войдя в коридор, укрыла мертвую птичку, потом принесла из мышиной норки цветочных тычинок, легких, как вата, и обложила ими ласточку, чтобы ей не так холодно было лежать в сырой земле.

— Прощай, прелестная птичка! — сказала Дюймовочка. — Прощай, и спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были еще зеленые и нам ласково светило солнце!

Потом она склонила головку на грудь птички и вздрогнула, услышав: «Стук! Стук!» — это забилось сердце ласточки. Оказывается, она вовсе не умерла, только окоченела, а теперь отогрелась и ожила.

Осенью все ласточки улетают в теплые края, и если одна из них опоздает улететь, то вскоре коченеет, как мертвая, падает на землю, и ее засыпает холодным снегом.

Дюймовочка дрожала от страха: ведь птичка была просто великаншей по сравнению с ней, такой крошкой, — но все-таки собралась с духом, потеплей укутала ласточку и прикрыла ей голову листом мяты, которым всегда укрывалась сама.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Теперь бедняжка совсем ожила, но все еще была

очень слаба и, чуть приоткрыв глаза, смотрела на Дюймовочку, которая стояла перед ней с гнилушкой в руках вместо фонарика.

— Спасибо тебе, милая крошка! — чирикнула больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — сейчас на дворе мороз и снег идет! Лежи лучше в теплой постельке, а я буду за тобой ухаживать.

И она принесла ласточке воды в чашечке цветка. Птичка попила и рассказала Дюймовочке, как поранила себе крыло о терновый куст и потому не смогла улететь в теплые края вместе с другими ласточками. Когда настали холода, она окоченела и упала на землю — больше ничего она не помнила и не знала, как попала сюда.

Всю зиму она просидела в подземном коридоре, а Дюймовочка ухаживала за ней. Она очень привязалась к птичке. Полевая мышь и крот ни о чем не догадывались: они чувствовали отвращение к ласточке и не ходили туда, где она лежала.

Как только настала весна и солнце пригрело землю, ласточка простилась с Дюймовочкой. Девочка сделала отверстие в потолке — там, где его заделал крот, — солнышко заглянуло в темный коридор, и ласточка спросила, не хочет ли Дюймовочка сесть ей на спину и полететь с ней в зеленый лес. Но девочка не захотела покинуть старую полевую мышь, зная, что это очень огорчит ее.

— Нет, я не могу лететь с тобой, — сказала она ласточке.

— Прощай, прощай, добрая прелестная девочка! — прощобетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка поглядела ей вслед, и глаза ее наполнились слезами — уж очень она полюбила бедную птичку.

— Кви-вить! Кви-вить! — прочиркала птичка и улетела в зеленый лес.

Дюймовочке было очень грустно, ведь ее никогда не пускали погреться на солнышке, а хлеб, который посеяли на поле вокруг норки полевой мыши, так разросся, что казался малютке огромным лесом.

— Ты теперь невеста, Дюймовочка, — сказала однажды мышь. — К тебе посватался наш сосед. Какое тебе счастье выпало, бедняжка! Теперь придется тебе шить приданое — и шерстяные платья и белье; надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, когда ты будешь женой крота.

И Дюймовочке пришлось прясть целыми днями, а мышь наняла четырех пауков-ткачей, и они ткали круглые сутки. Крот каж-

дый вечер приходил в гости и всё болтал о том, что скоро-де конец лету и солнце перестанет палить; это хорошо — и без того земля стала твёрдой как камень. А когда кончится лето, они сыграют свадьбу.

Но Дюймовочка вовсе этому не радовалась, она ни капельки не любила скучного крота. Каждое утро на восходе солнца и каждый вечер на закате она выскальзывала на порог мышьи норки и, когда ветер раздвигал колосья, видела кусочек неба. Дюймовочка думала тогда: «Как хорошо и светло там, на воле!» И ей очень хотелось увидеть милую ласточку. Но птички нигде не было видно, наоборот, она улетела далеко-далеко, в зелёный лес.

Когда наступила осень, все приданое Дюймовочки было готово.

— Свадьба твоя будет через месяц, — заявила ей как-то полевая мышь.

Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить за скучного крота.

— Глупости! — отрезала мышь. — Перестань упрямиться, а не то я укушу тебя. У тебя будет прекрасный муж! Такой черной бархатной шубы у самой королевы нету. Все закрома и подвалы у него полным-полны. Бога надо благодарить за такого мужа!

И вот настал день свадьбы. Крот пришел за невестой, чтобы увести ее к себе глубоко под землю, куда не проникал свет ясного солнышка, потому что крот его терпеть не мог. Тяжело было бедной девочке навсегда распрощаться с ясным солнышком, и она с разрешения полевой мыши вышла полюбоваться им в последний раз.

— Прощай, красное солнышко! — сказала Дюймовочка, стоя на пороге норки, и протянула вверх руки. Немного погодя она вышла на поле; хлеб здесь был уже убран, из земли торчали только сухие соломинки. — Прощай и ты, — сказала она и обняла красный цветок, который уцелел случайно. — Поклонись от меня милой ласточке, если увидишь ее.

— Кви-вить, кви-вить! — послышалось вдруг где-то в вышине.

Дюймовочка подняла глаза и увидела пролетающую мимо ласточку. Птичка очень обрадовалась, узнав Дюймовочку, а та, обливаясь слезами, рассказала, как ей не хочется выходить замуж за уродливого крота и жить под землей, куда никогда не заглядывает солнышко.

— Наступает холодная зима, — сказала ласточка. — Я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко

мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой подальше от противного крота и его темного подземелья. Мы полетим над горами в жаркие страны, где солнце светит ярче, чем здесь, где круглый год продолжается лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая Дюймовочка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной холодной земле.

— Да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она уселась птичке на спину, уперлась ножками в ее распростертые крылья и привязала себя поясом к самому большому перу. Ласточка стрелой взвилась в воздух и полетела над лесом и морем, над высокими снежными горами. Дюймовочке стало очень холодно, и она зарылась в теплые перья ласточки, высунув лишь головку, чтобы полюбоваться красотой земли, над которой они летели.

Но вот и теплые края. Солнце здесь светило гораздо ярче, небо было в два раза выше, чем у нас, а вдоль изгородей рос чудесный зеленый и черный виноград. В лесах зрели апельсины и лимоны, пахло миртами и мятой, а по дорожкам бегали веселые ребятишки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше, и места, над которыми она летела теперь, были еще красивее. На берегу голубого озера стоял, сверкая белым мрамором, старинный замок, окруженный пышными зелеными деревьями. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а на самом верху, под крышей, лепились гнезда ласточек. В одном из них и жила та ласточка, которая сейчас несла Дюймовочку.

— Вот мой дом! — сказала она. — А ты выбери себе внизу самый красивый цветок. Я отнесу тебя туда, где он растет, и ты поселись в нем, там тебе будет уютно.

— Ах, как хорошо! — воскликнула девочка и захлопала крошечными ручонками.

Внизу лежала большая разбитая мраморная колонна, падая на землю, она раскололась на три куса, и между обломками выросли чудесные крупные белые цветы. Ласточка посадила Дюймовочку на широкий лепесток одного цветка. Но что за чудо: в чашечке цветка сидел крошечный человечек, ростом не выше Дюймовочки и совсем прозрачный — казалось, он был из хрустала! На голове у него была красивая золотая корона, а за плечами сверкали блестящие крылья. Это был эльф. Такие же эльфы — юноши или девушки — жили в каждом цветке, а этот был королевский сын.

— Боже, как он красив! — шепнула Дюймовочка ласточке.

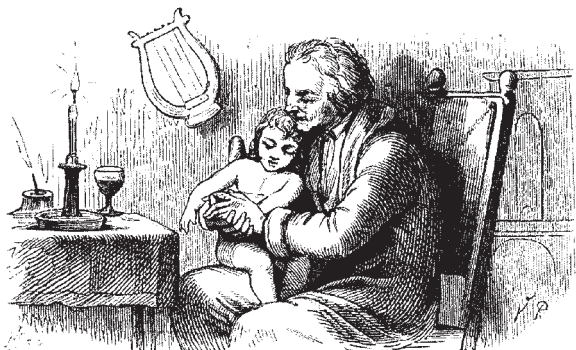

Та подлетела к цветку, и маленький принц очень испугался — ведь по сравнению с ней он был совсем крошечный и слабый. Но, увидев Дюймовочку, он пришел в восторг — такой хорошенькой девушки он еще никогда не видел. И вот он снял с себя корону и надел ее на Дюймовочку, потом спросил, как ее зовут и не хочет ли она выйти за него замуж и сделаться царицей цветов? Вот это был настоящий жених! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе. Поэтому Дюймовочка дала согласие красивому принцу. Из всех цветов вылетели эльфы — юноши и девушки, такие прелестные, что Дюймовочка никак не могла на них налюбоваться. Каждый преподнес невесте подарок, и больше всего ей понравились прозрачные крылья большой стрекозы. Их надели Дюймовочке на спину, и теперь она тоже могла перелетать с цветка на цветок. То-то была радость! Ласточка сидела высоко в своем гнезде. Ее попросили спеть свадебную песню, и она старалась петь как можно лучше, но втайне все-таки грустила, потому что любила Дюймовочку и не хотела с ней расставаться.

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой, — сказал невесте эльф. — Это некрасивое имя, а ты такая хорошенькая! Тебя будут звать Майей.

— Прощай, прощай! — прошептала ласточка и с тяжелым сердцем улетела из теплых стран на родину, в далекую Данию. Там у нее было гнездышко, как раз над окном того человека, который умеет рассказывать сказки. Он услышал ее «кви-вить, кви-вить», а от него и мы узнали всю эту историю.

НЕХОРОШИЙ МАЛЬЧИК

Жил-был старый поэт, такой настоящий хороший старый поэт. Раз вечером сидел он дома, а на дворе разыгралась ужасная непогода. Дождь лил как из ведра, но старому поэту было так уютно и тепло возле печки, где ярко горел огонь и, весело шипя, пеклись яблоки.

— Бедные те, кто мокнет сейчас под дождем — сухой нитки на них не останется! — сказал он, потому что он был очень добрым поэтом.

— Впустите, впустите меня! Я озяб и весь промок! — закричал за дверями ребенок.

Он плакал и стучал в дверь, а дождь так и лил, ветер так и бился в окошки.

— Бедняжка! — сказал старый поэт и пошел отворять двери.

За дверями стоял маленький мальчик, совсем голенький. С его длинных золотистых волос стекала вода, он дрожал от холода; если бы его не впустили, он бы, наверное, не вынес такой непогоды.

— Бедняжка! — сказал старый поэт и взял его за руку. — Пойдем ко мне, я обогрею тебя, дам тебе винца и яблоко, ты такой хорошенький мальчуган!

Он и в самом деле был прехорошенький — глазенки у него сияли, как две звездочки, а мокрые золотистые волосы вились кудрями — ну совсем ангелочек! — только он весь посинел от холода и дрожал как осиновый лист. В руках у него был чудесный лук; да

вот беда — он весь испортился от дождя, краски на длинных стрелах совсем полиняли.

Старый поэт уселся возле печки, взял малютку на колени, выжал его мокрые кудри, согрел ручонки в своих руках и вскипятил ему сладкого вина. Мальчик оправился, щечки у него зарумянились, он спрыгнул на пол и стал плясать вокруг старого поэта.

— Ишь ты, какой веселый мальчуган! — сказал старик-поэт. — А как тебя зовут?

— Амур! — отвечал мальчик. — Ты разве не знаешь меня? Вот и лук мой. Я умею стрелять! Посмотри, погода разгулялась, месяц светит.

— А лук-то твой испортился! — сказал старый поэт.

— Вот было бы горе! — сказал мальчуган, взял лук и стал его осматривать. — Он совсем высох, и ему ничего не сделалось! Тетива натянута как следует! Сейчас я его попробую.

И он натянул лук, положил стрелу, прицелился и выстрелил старику-поэту прямо в сердце!

— Вот видишь, мой лук совсем не испорчен! — закричал он, громко засмеялся и убежал.

Нехороший мальчик! Выстрелить в старого поэта, который впустил его к себе, обогрел и приласкал, дал ему чудесного вина и самое лучшее яблоко!

Добрый старик лежал на полу и плакал, он был ранен в самое сердце. Потом он сказал:

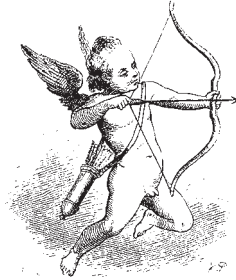
— Фи, какой нехороший мальчик этот Амур! Я расскажу о нем всем хорошим детям, чтобы они береглись, не связывались с ним — он и их обидит.

И все хорошие дети — и мальчики и девочки — стали остерегаться злого Амура, но он все-таки умеет иногда обмануть их — такой плут!

Идут себе студенты с лекций, и он рядом; книжка под мышкой, в черном сюртуке, и не узнаешь его! Они думают, что он тоже студент, возьмут его под руку, а он и пустит им в грудь стрелу.

Идут тоже девушки от священника или в церковь — он уже тут как тут, вечно он преследует людей! А то заберется иногда в большую люстру в театре и горит там ярким пламенем; люди-то думают сначала, что это лампа, и уж потом только разберут, в чем дело. Бегает он и по королевскому саду, и по крепостному валу! А раз так он ранил в сердце твоих родителей! Спроси-ка у них, они тебе расскажут. Да, злой мальчик этот Амур, никогда не связывайся с

ним! Он только и делает, что бегает за людьми. Подумай, раз он пустил стрелу даже в твою старую бабушку! Было это давно, давно прошло и быльем поросло, а все-таки не забылось, да и не забудется никогда! Фи! Злой Амур! Но теперь ты знаешь о нем, знаешь, какой он нехороший мальчик!

СОДЕРЖАНИЕ

ОГНИВО	5
МАЛЕНЬКИЙ КЛАУС И БОЛЬШОЙ КЛАУС	12
ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ	23
ЦВЕТЫ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ	25
ДЮЙМОВОЧКА	32
НЕХОРОШИЙ МАЛЬЧИК	42
ДОРОЖНЫЙ ТОВАРИЩ	45
РУСАЛОЧКА	61
НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЯ	81
КАЛОШИ СЧАСТЬЯ	86
РОМАШКА	110
СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК	114
ДИКИЕ ЛЕБЕДИ	119
СУНДУК-САМОЛЕТ	133
АИСТЫ	139
БРОНЗОВЫЙ КАБАН	144
РОЗА С МОГИЛЫ ГОМЕРА	154
ОЛЕ-ЛУКОЙЕ	156
ЭЛЬФ РОЗОВОГО КУСТА	167
СВИНОПАС	172
ГРЕЧИХА	177
АНГЕЛ	179
СОЛОВЕЙ	182
ЖЕНИХ И НЕВЕСТА	191
ГАДКИЙ УТЕНОК	194
ЕЛЬ	203
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА	211
БУЗИННАЯ МАТУШКА	240
ШТОПАЛЬНАЯ ИГЛА	247
КОЛОКОЛ	251
БАБУШКА	256
ХОЛМ ЛЕСНЫХ ДУХОВ	258
КРАСНЫЕ БАШМАЧКИ	264
ПРЫГУНЫ	270
ПАСТУШКА И ТРУБОЧИСТ	272
ХОЛЬГЕР ДАТЧАНИН	277

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ	281
С КРЕПОСТНОГО ВАЛА	284
ИЗ ОКНА БОГАДЕЛЬНИ	285
СТАРЫЙ УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ	287
СОСЕДИ	293
МАЛЕНЬКИЙ ТУК	302
ТЕНЬ	306
СТАРЫЙ ДОМ	318
КАПЛЯ ВОДЫ	325
СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО	327
ИСТОРИЯ ОДНОЙ МАТЕРИ	331
ВОРОТНИЧОК	336
ЛЁН	339
ПТИЦА ФЕНИКС	343
СОН	345
НЕМАЯ КНИГА	350
ЕСТЬ ЖЕ РАЗНИЦА!	352
СТАРАЯ МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА	356
ПРЕКРАСНЕЙШАЯ РОЗА МИРА	359
ИСТОРИЯ ГОДА	362
В ДЕНЬ КОНЧИНЫ	370
ИСТИННАЯ ПРАВДА	374
ЛЕБЕДИНОЕ ГНЕЗДО	377
ВЕСЕЛЫЙ ПРАВ	379
СЕРДЕЧНОЕ ГОРЕ	383
ВСЕМУ СВОЕ МЕСТО	385
ДОВОЙ МЕЛОЧНОГО ТОРГОВЦА	392
ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ	396
ПОД ИВОЙ	398
ПЯТЕРО ИЗ ОДНОГО СТРУЧКА	412
ОТПРЫСК РАЙСКОГО РАСТЕНИЯ	415
ПРОПАЩАЯ	418
ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕМЧУЖИНА	425
ДВЕ ДЕВИЦЫ	428
НА КРАЮ МОРЯ	430
СВИНЬЯ-КОПИЛКА	433
ИБ И ХРИСТИНОЧКА	436
ГАНС ЧУРБАН	446
ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ СЛАВЫ	450
ЕВРЕЙКА	454
БУТЫЛОЧНОЕ ГОРЛЫШКО	458
КАМЕНЬ МУДРОСТИ	467
СУП ИЗ КОЛБАСНОЙ ПАЛОЧКИ	481
НОЧНОЙ КОЛПАК СТАРОГО ХОЛОСТЯКА	493
КОЕ-ЧТО	505

ПОСЛЕДНИЙ СОН СТАРОГО ДУБА	511
ДОЧЬ БОЛОТНОГО ЦАРЯ	516
СКОРОХОДЫ	548
КОЛОКОЛЬНЫЙ ОМУТ	551
РАЙСКИЙ САД	554
ВЕТЕР РАССКАЗЫВАЕТ О ВАЛЬДЕМАРЕ ДО И ЕГО ДОЧЕРЯХ	567
ДЕВОЧКА, НАСТУПИВШАЯ НА ХЛЕБ	577
КОЛОКОЛЬНЫЙ СТОРОЖ ОЛЕ	584
АННЕ ЛИСБЕТ	590
РЕБЯЧЬЯ БОЛТОВНЯ	599
ОБРЫВОК ЖЕМЧУЖНОЙ НИТИ	602
ПЕРО И ЧЕРНИЛЬНИЦА	608
НА МОГИЛЕ РЕБЕНКА	611
ДВОРОВЫЙ ПЕТУХ И ФЛЮГЕРНЫЙ	616
КАК ХОРОША!	619
НА ДЮНАХ	626
ДИРЕКТОР КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА	656
ДВА БРАТА	660
СТАРЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ КОЛОКОЛ	662
ДВЕНАДЦАТЬ ПАССАЖИРОВ	667
НАВОЗНЫЙ ЖУК	671
ЧТО МУЖЕНЕК НИ СДЕЛАЕТ, ВСЕ ХОРОШО	678
СНЕГОВИК	683
НА ПТИЧЬЕМ ДВОРЕ	688
ДЕВА ЛЬДОВ	694
МОТЫЛЕК	738
ПСИХЕЯ	741
УЛИТКА И РОЗОВЫЙ КУСТ	753
БЛУЖДАЮЩИЕ ОГОНЬКИ В ГОРОДЕ!	756
ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА	768
СЕРЕБРЯНАЯ МОНЕТКА	771
ЕПИСКОП БЕРГЛУМСКИЙ И ЕГО РОДИЧИ	775
В ДЕТСКОЙ	781
ЗОЛОТОЙ МАЛЬЧИК	785
КАК БУРЯ ПЕРЕВЕСИЛА ВЫВЕСКИ	793
ЧАЙНИК	797
ПТИЦА НАРОДНОЙ ПЕСНИ	799
ЗЕЛЕННЫЕ КРОШКИ	802
ДОМОВОЙ И ХОЗЯЙКА	804
ПЕЙТЕР, ПЕТР И ПЕЙР	809
СОКРЫТО – НЕ ЗАБЫТО	814
СЫН ПРИВРАТНИКА	817
ДЕНЬ ПЕРЕЕЗДА	834
ПОДСНЕЖНИК	838
ТЕГУШКА	842

ЖАБА	848
АЛЬБОМ КРЕСТНОГО	855
ТРЯПЬЕ	877
ВЭН И ГЛЭН	879
КТО ЖЕ СЧАСТЛИВЕЙШАЯ?	882
ДРИАДА	886
ПРЕДКИ ПТИЧНИЦЫ ГРЕТЫ	906
СУДЬБА РЕПЕЙНИКА	918
ЧТО МОЖНО ПРИДУМАТЬ	922
И В ЩЕПОЧКЕ ПОРОЙ СКРЫВАЕТСЯ СЧАСТЬЕ	926
КОМЕТА	929
ДНИ НЕДЕЛИ	934
РАССКАЗЫ СОЛНЕЧНОГО ЛУЧА	937
ПРАДЕДУШКА	940
СВЕЧИ	945
САМОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ	948
ЧТО СКАЗАЛА ВСЯ СЕМЬЯ	952
БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ ЗМЕЙ	955
САДОВНИК И ГОСПОДА	964
БЛОХА И ПРОФЕССОР	971
О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЛА СТАРУХА ИОХАННА	976
КЛЮЧ ОТ ВОРОТ	990
СИДЕНЬ	1001
ТЕТУШКА ЗУБНАЯ БОЛЬ	1010
ТАЛИСМАН	1021
ЗЛОЙ КНЯЗЬ	1024
«ПЛЯШИ, КУКОЛКА, ПЛЯШИ!»	1027
ПОБРАТИМЫ	1029
СКАЗКИ В СТИХАХ	
СКАЗКА О ЖЕНАХ	1038
РОЗА	1039
КОРОЛЕВА МЕТЕЛЕЙ	1040
ДОЧЬ ВЕЛИКАНА	1041
ЛИЗОЧКА У КОЛОДЦА	1042
ДЕТИ ГОДА	1044
ПТИЧКА И СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ	1045
ПУТЕШЕСТВИЕ	1046
КАРТИНКА	1047
ПАСТУШОК ПАСЕТ ОВЕЦ...	1048
«ДАНИЯ – МОЯ РОДИНА»	1049